Глава 31. Впоследствии

К тому времени, когда Шаошан оттащили, ее лицо уже подверглось множеству ударов: она ощущала пронизывающую боль в щеке, уголки глаз, кажется, опухли и тоже болели, а подбородок, похоже, был немного поцарапан. Прищурив глаза, она посмотрела на Инь Сюэ, не удержалась и похвалила сама себя в душе: своего преимущества она еще пока не лишилась!

В этой сумятице она смутно видела обеспокоенное лицо Юань Шэня, молодого господина Лоу Яо, как будто громом пораженного, похоже, что все эти события расширили его жизненный кругозор, быстро подоспевшая Инь-ши, сердясь и нервничая, подпрыгивала от волнения и топала ногами. А затем Шаошан и заливающуюся плачем Инь Сюэ вдвоем суетливо отправили в комнату на женской половине резиденции Инь, туда только что пришли госпожа Инь, госпожа Сяо, а также госпожа Вань с дочерью.

Услышав о произошедшем инциденте, госпожа Инь едва не зашаталась и чуть не упала с верхней ступеньки лестницы, быстро перепоручив обязанность общения с гостями снохам, она поспешно пришла. Госпожа Сяо, казалось, владела собой, однако у ней тоже участилось дыхание. Пусть госпожа Вань и не являлась стороной в деле, однако она была не способна остаться сторонним наблюдателем, она была сконфужена и не понимала на чьей стороне ей остаться. Зато Вань Цици приняла решение действовать честно и правдиво!

Инь-ши спешно подошла и сообщила главной жене отца на ушко сводный доклад произошедшего, отчего госпожа Инь вздохнула с облегчением.

Хорошо, что очень мало людей это видело. Две служанки были из резиденции – она вполне могла держать их под контролем. Юань Шэнь с Лоу Яо в конце концов были мужчинами с неплохой репутацией, если хорошенько попросить супруга об одолжении, то можно все устроить так, чтобы не дошло до распространения слухов на улице и порицания драки между двумя молоденькими девушками.

Только была некоторая странность, Юань Шаньцзянь в связи с этим делом выказывал труднообъяснимый энтузиазм, если бы не льстивые фразы старшей дочери, устоять против которых он не смог, он бы последовал за девушками и пришел сюда. Еле уговорили его остаться, но он все же не находил себе места и вновь и вновь опрашивал свидетелей о состоянии ран, и был совсем не похож на слова мужа: “Пусть он молодым достиг всех своих целей, сопровождал Его Величество со свитой, но он осторожен в речах и осмотрителен в поступках, заботясь только о себе” – хотя у всякого человека есть свои причуды, может быть, Юань Шаньцзянь любил смотреть на дерущихся девочек?

В качестве матушки дочери соответствующего возраста госпожа Инь не зарилась на Юань Шаньцзяня как на мужа для дочери, вот только ее муж не был согласен, говоря: “Юань Шаньцзянь кажется непритязательным на вид, на деле же он очень скрытен”. В будущем выбор семьи жены неизбежно должен иметь большие цели – возможно, он породнится с тоталитарными магнатами или влиятельными родственниками правителя, либо изберет дочь из семьи, далекой от императорского двора, однако несущей на себе большое бремя славы известных конфуцианских ученых, ведь это тоже не исключается.

Собственно говоря, госпожа Инь наполовину охладела к Юань Шэню, на что повлияли сегодняшние события, ситуация, когда в доме ее собственная дочь избила младшую сестричку из юного поколения, окончательно погасила все ее надежды.

–Младшая сестра, не беспокойся, мало кто это видел, вряд ли это происшествие выйдет наружу, – госпожа Инь старательно вытерла пот, успокаивая госпожу Сяо, а после, повернувшись, стала гневно упрекать дочь: – Ты – выродок! А раз уж ты старше, да еще из принимающей семьи, кто же мог представить, что ты изобьешь молодую барышню из семьи Чэн! Книги прочитаны напрасно! Этикет изучен напрасно! Я сейчас же пойду и сообщу твоему отцу – и посмотрю, как он накажет тебя!

Шаошан обрадовалась: оказывается, в это время родители в гневе, ругая своего ребенка, обзывали его «выродком».

Отругав дочь, госпожа Инь нежным голосом сказала Шаошан:

–Шаошан, мой ребенок обидел тебя! Не беспокойся, тетушка несомненно воздаст по справедливости за тебя после окончания сегодняшнего банкета, я настою на том, чтобы этот выродок отведал семейного наказания!

Двух дерущихся девушек растащили, но вид у них был жалкий. Но только у Шаошан вид был еще более ужасен – это было ясно всем: синий нос и опухшее, словно свиная голова лицо, кровью из носа испачкана пола одежды; что касается Инь Сюэ, то, не считая растрепанных волос и размазанной косметики, лицо и руки были в порядке. Вдобавок одна рослая и крупная, а вторая – юная и миниатюрная, и картина была понятна без лишних слов.

Лишь госпожа Сяо знала характер своей дочери и ее навыки – на этой земле мало такого, от чего она может пострадать, и сейчас она опасалась, что истинное положение вовсе не такое, какое всем кажется. Если бы в действительности она могла так одурачить всех мимоходом – было бы неплохо, поэтому она притворилась снисходительной и стала утешать госпожу Инь, и незаметно приказала находящейся рядом с ней телохранительнице осмотреть травмы Шаошан.

С того момента, как она услышала упреки, Инь Сюэ не могла признать свою вину. Она рыдала так, что слезы смешались с соплями, повторяя снова и снова, что ее несправедливо обвиняют, но все же не могла предъявить ни свидетелей, ни вещественные доказательства, что с ней действительно поступили несправедливо! И тогда, кто бы знал зачем, внезапно заговорила Шаошан:

–Это я ударила старшую сестрицу Сюэ прежде.

Инь Сюэ замолчала и тупо уставилась на Шаошан.

Как только эти слова прозвучали, все в комнате испуганно замерли.

Госпожа Инь в сердце почувствовала облегчение, думая, что у этой молодой барышни пусть и дурной нрав, однако она человек искренний и сказала все открыто.

У госпожи Сяо ёкнуло сердце, она посмотрела на травмированное лицо дочери, смотревшее с полным безразличием на присутствующих, ее настроение было сложно определить.

Находившаяся сбоку Вань Цици сердилась, с большой энергией она развернулась к госпоже Вань и, сжав ее руку, громко сказала:

–Младшая сестра Шаошан всегда проявляет благоразумие, она не может ударить человека, наверняка есть какая-то причина. Шаошан, расскажи, расскажи всем!

Шаошан ожидала именно этих слов, в душе прокричав «Младшая сестрица, ты потрясающая!!!», после чего как бы пойдя на попятный и скорчив мину на лице, упрямо сказала:

–Она сказала, что у меня нет ни матери, ни отца, что меня никто не воспитывал, что я не знаю даже нескольких иероглифов, что я очень вульгарна!

Инь-ши беспомощно смотрела на осунувшееся лицо госпожи Сяо, у нее сильно заболела голова: избить гостя или все же открыть рот и высказать глупую злобную фразу? Она не понимала, что окажется более вредным для репутации ее младшей сестры. Снова посмотрев на главную жену отца, она заметила, как госпожа Инь оцепенела, и в ее задумчивых глазах появились слезы.

На этот раз Инь Сюэ никак не могла взывать к справедливости, потому что она действительно говорила все эти слова. Но она думала рассказать всем, что это неправда! По правде говоря, это ошибка! Но, глядя на недобрые лица старшего поколения, она понимала, что будет еще хуже, если она это скажет.

Инь-ши выступила примирителем, засмеявшись, сказала:

–Младшая сестра не умеет красиво разговаривать. Она не понимает, что оскорбляет людей, на этот раз пусть бы она даже и говорила то, что не должно было быть сказано…

–Старшая сестрица Сюэ не оговорилась, каждое слово и каждая ее фраза верны, – Шаошан всхлипывала в голос, несчастно и печально, и вызывала жалость этим, – именно потому, что она не ошиблась, с этим не поспоришь, и мне оставалось только драться…

Слушая это, Вань Цици была в неудержимой ярости, ее горячая кровь в тот же миг прилила к голове.

Она со всей силой оттолкнула держащую ее госпожу Вань и, внезапно выпрыгнув вперед, указала на Инь Сюэ:

–Ударить человека, не ударяя по лицу, разоблачить человека, не упрекая! Неужели младшая сестра Шаошан из-за лени глупа? Только потому, что не обучена и не знакома с этикетом? Ты

выставляешь напоказ в столице хорошее воспитание, полученное на женской половине дома! Зная, что у других людей есть затаенная боль, ты считаешь себя всегда правой! Именно это и есть твоя воспитанность?!

Инь Сюэ потеряла дар речи, на этот раз Вань Цици была категорически пафосна, и у нее не было возможности отразить ее нападки. Она только и могла, что в глубине душе громко кричать, что все сказанное ей на самом деле правда, правда!

Шаошан наблюдала за выражением ее лица и чувствовала жалость: самое невысказанное, что есть на свете, часто оказывается не ложью и клеветой, а правдой.

В это время, все остальные, исключая госпожу Сяо, бросали друг на друга понимающие взгляды, признавая, что данное дело весьма ясно – должно быть Инь Сюэ прежде нахамила, а Чэн Шаошан, юная девушка, разозлилась и сразу же бросилась с кулаками на визави, жаль, что она такая маленькая и слабая, а потому Инь Сюэ смогла хорошенько ее поколотить. Как не считай, но причинили вред именно Шаошан.

Вань Цици игнорировала выразительные взгляды матери, они только прибавляли в ней огня, она поведала то, что произошло недавно, – событие с финиками в золотисто-желтом ласточкином гнезде, а затем сказала:

–Тетушка Инь, не я провоцировала, однако над младшей сестрицей Чэн Ян также издевались!

Выражение лица госпожи Инь было грустным, она растерянно сказала:

–И Чэн Ян выросла в доме своего дедушки, и рядом с ней также не было родителей…

Вань Цици была потрясена такой реакцией госпожи Инь и на какое-то время была ошеломлена, затем проговорила:

–Верно.

Госпожа Сяо, увидев всю эту ситуацию, отвернулась и, закрыв лицо рукавом, беззвучно заплакала:

–Это все моя вина, если бы я изначально не оставила Шаошан, этого бы не было… – Шаошан втайне одобрила хорошие актерские способности директора Сяо, она могла быть мягкой и могла быть жесткой, умела приспосабливаться к обстоятельствам, могла с возвышенности декламировать реплики полководца или как на сцене опускаться до актерских реплик.

К этому времени госпожа Инь наоборот взяла себя в руки и обратилась к госпоже Сяо прямо и благопристойно, говоря слаженно и четко:

–Это я виновата, что плохо обучала свою дочь, не беспокойтесь, я обязательно смогу дать детям пояснения. Наши семьи сегодня завязали дружбу, мы близки по духу, и у нас все еще

впереди. Будет нехорошо, если младшая сестра в это время покинет банкет, дав людям повод посмеяться, лучше пусть с Шаошан отправится доверенный человек, чтобы она возвратилась домой набраться сил.

Госпожа Сяо была очень наблюдательна, сразу же приметив странный вид госпожи Инь, она поняла, что определенно здесь кроются какие-то замалчиваемые подробности, но если это касается семьи и домашних дел, она не осмелится приставать с вопросами, поэтому она немедленно увела дочь отсюда.

Вань Цици волновалась, что в будущем возникнет целый ворох проблем с израненным лицом, потому покинув мать, она также вышла из комнаты, тихонько бормоча, что «в семье есть превосходный целебный эликсир, я немедленно отправлю людей, чтобы они возвратились и взяли его».

Проводив их взглядом, госпожа Инь неверной походкой подошла к топчану и повалилась на него сверху. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, а горестное выражение лица сложно было объяснить словами.

Инь-ши смертельно испугалась, у нее с главной женой отца были хорошие отношения, поспешно упав на колени около госпожи Инь, взволнованно снова и снова она допытывалась: «Матушка, матушка, что произошло с тобой?».

Госпожа Инь, прикрывшись шелковым платком, молча всхлипывала.

Лишь госпожа Вань знала о прошедшем и, подойдя, нежным голосом сказала:

–А-Юань, все прошло, все прошло, прошло, ты… у тебя сейчас прекрасная семья, ты сама мать, а старший брат отца и жена его уже в загробном мире, должно быть, непременно… непременно… – с этими словами она также закрыла лицо рукавом и стала беззвучно плакать.

Госпожа Инь вытерла слезы, подойдя к застывшей на месте дочери, подняла руку и с силой отвесила ей пощечину. Лицо Инь Сюэ стремительно покраснело, нетрудно было заметить, что госпожа Инь ударила со всей силы.

–Матушка!

–А-Юань!

Инь-ши и госпожа Вань закричали одновременно.

Инь Сюэ, которую только что ударили, была ошеломлена. С самого ее рождения родители баловали, старшие братья и старшие сестры относились с нежностью, уже не говоря о том, чтобы подвергать ее телесному наказанию, даже жесткие слова не говорились в ее адрес ни разу, и теперь впервые за всю жизнь ей дали пощечину, и она даже не могла заплакать.

Госпожа Инь, пристально смотря на дочь, холодно сказала:

–Я с детства круглая сирота, до двенадцати лет не прочла даже нескольких свитков книг, не была знакома даже с несколькими иероглифами, я была грубой и необразованной, я не гожусь быть твоей матерью! Тебе в будущем не нужно признавать меня матерью, я не заслужила такой милости!

Ее глаза затуманились от слез, госпожа Инь вспомнила в свою очередь, что когда-то, как и ее дочь, она родилась в обычной благополучной семье, в счастливом доме, кто знал, что однажды они столкнутся с людьми, подставившими их, и ее семья разорится и погибнет. Перед ее глазами отец и старший брат были казнены на рыночной площади, а матушка, рискуя жизнью, пряталась с ней в семье Вань и вскоре скончалась.

Из-за юного возраста она испытала большой шок и несколько лет подряд была похожа на бессловесную идиотку, к счастью, госпожа Вань как заботливая старшая сестра ухаживала за ней и успокаивала, и в год своего десятилетия она наконец-то пришла в себя. Впоследствии ситуация изменилась, враги неожиданно подверглись возмездию, отец госпожи Вань только тогда осмелился взять ее с собой и доставить в дальние края в семью младшего брата отца.

Младший брат отца и его жена были любящими людьми, относились к ней как к родной. Однако даже лежа в постели ночью, она, маленький ребенок, была растеряна и все еще горевала, тоскуя по родителям, что уж говорить о том, что ее оскорбляли девочки, неизвестно сколько раз презрительно смеявшиеся над ней, ведь у нее не было «ни отца, ни матери, ни воспитания»…

Инь-ши и Инь Сюэ никогда не слышали об этом и на некоторое время остолбенели.

В другой стороне господин Инь как раз угощал гостей, когда услышал рассказ прислуги, как его жена горько плачет и не останавливается, упав на топчан, не может подняться. Он торопливо отправился на женскую половину посмотреть, а узнав причину всего, без лишних слов отвесил дочери звонкую пощечину, обозвав «выродком невежественным и заносчивым» и так далее и тому подобное, затем еще несколько раз устроил ей головомойку, были и удары линейкой по рукам и копирование текстов как наказание… не хватало только стоять на коленях в храме предков.

Успешно прожившая в мире и покое пятнадцать лет молодая барышня Инь Сюэ сейчас в один присест получила все имеющиеся в природе наказания.

Если сравнивать с бедствиями Инь Сюэ, к Шаошан, прямо говоря, были применены умеренные меры.

После возвращения в резиденцию Чэн А-Чжу увидела ее лицо в ранах и, в высшей степени удрученная, молча выплакала целый тазик слез. Но снимая с Шаошан грязную и рваную одежду, она обнаружила, что под одеждой совсем нет ран, а нежная кожа была безукоризненна и без изъянов.

–Я раньше говорила, что все эти раны пустяки, я знаю, что делаю, – Шаошан прищурилась в улыбке и потрепала А-Чжу по плечу.

Мастерство! Главное – это мастерство! Кожа девушки по фамилии Инь на первый взгляд не пострадала серьезно, однако Шаошан понимала, что сама нанесла жестокий удар рукой, пусть даже физическая сила ее тела и была небольшой, но Инь Сюэ не сможет ни спокойно сидеть, ни спокойно лежать, ей будет постоянно нездоровиться, а за едой она не будет ощущать вкуса пищи.

В частности, она ударила Инь Сюэ по ноге и сильно вонзила ногти в ее талию. Первый удар был простым мягким приемом из шаолиньской школы бокса, следующий удар был из уданской школы и имел название – "Свежий ветер дует в лицо", и эта технология не имела себе равных в мире, и если девица из рода Инь по меньшей мере не будет три дня страдать от боли, а хотя бы на один день меньше, она свое имя напишет вверх ногами!

Шаошан понимала, что после возвращения госпожи Сяо ее ожидает еще одно ожесточенное сражение, потому после причесывания и умывания, плотно пообедав рисом с мясом, она немедленно улеглась на кушетку отдыхать. И зажав в руках ватное одеяло, источающий приятный аромат, она проспала всю вторую половину дня, очнувшись, увидела, что солнце уже клонилось к западу, а потому она поняла, что все члены семьи Чэн уже должны были вернуться домой. И в самом деле А-Чжу, охваченная сильной тревогой, сказала, что госпожа Сяо велела после того, как она очнется прийти в «Росток тростника в девятый зимний день».

Шаошан прежде вынула маленькое зеркало, только-только подаренное вторым старшим братом Чэн Суном, посмотрела на себя справа, посмотрела на себя слева, поцокала языком от восхищения, рассматривая в зеркале изящную и милую свиную голову, почувствовав, что в этот раз все действительно под контролем идет превосходно, и вот-вот будет достигнут нужный результат.

Сейчас же у нее в голове готов еще более выигрышный план.

http://tl.rulate.ru/book/77281/3274007